

Чудо и авторитет или опыт сердца. Памяти Г.Померанца

Близко я познакомился с Григорием Соломоновичем осенью 2010 года. И сразу понял, что знал этого человека и шел ему навстречу всю свою жизнь. Мы о многом успели поговорить, за что я ему бесконечно благодарен. Он оказал мне доверие, которое не так-то просто будет оправдать. В этой работе я ограничусь несколькими штрихами к портрету отечественного религиозного мыслителя, каким являлся Григорий Померанц.

Что же завещал нам Померанц? Бесконечное внимание к опыту глубокого сердца. Сам он называл это «непосредственным переживанием вечности как живой реальности»¹. Померанц исповедовал веру в Единый Дух. На практике это означало жить по заповедям Христа и быть открытым мистическому опыту всех великих религий. Как глубоко религиозный человек он относился к заповедям не как к внешнему предписанию, а как к голосу сердца, которое призвано вместить Бога.

Григорий Соломонович прошел через серьезные испытания: война, лагерь, личная драма, многолетняя опала, но его сердце не ожесточилось. Оно обнажилось.

Главные повороты жизни описаны Померанцем в духовной автобиографии «Записки гадкого утенка», но многое из пережитого мы найдем и в других его текстах.

Его книги выходили в серии «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Humanitas». Автором проекта этих серий и главным редактором является С.Я.Левит. Благодаря ее усилиям труды современного религиозного мыслителя оказались доступны широкому читателю. Перечислим монографии Померанца, опубликованные в России и выдержавшие не одно переиздание: «Выход из транса», «Страстная односторонность и бесстрастие духа», «Открытость бездне: Встречи с Достоевским», «Сны земли», «Дороги

духа и зигзаги истории», «Собирание себя». Книги, написанные совместно с его супругой и единомышленницей З.Миркиной: «Великие религии мира», «В тени Вавилонской башни», «Работа любви».

Подлинное христианство сочеталось в Померанце с глубоким интересом к духовной жизни Индии и Китая, и никогда одно не противопоставлялось другому, не пыталось «выиграть» за счет другого. Померанц был обращен к самому корню бытия. Однако он помнил, что корни и ветви составляют одно целое. Он все время напоминал о единстве корня и раскинутых ветвей. Ближний Восток и Дальний, Западное и Восточное христианство все это ветви одного дерева. Померанц призывал никогда не отделять ветвей от корня. Не потому ли он так любил выражение Георгия Федотова: «Мы не спрашиваем, какой вы веры, но какого вы духа».

Духовно развитый, но равняющийся на житейскую середину человек, редко ставит перед собой подобную задачу. Он избирает какой-то один путь, ведущий в горный мир, и следует ему по мере своих сил. И все бы ничего, но подобный путь нуждается в мощных перилах, которые, к сожалению, нередко оказываются ближе человеческой душе, чем ступени лестницы, по которой она восходит. У каждой великой религии свои перила, но ступени, все более круто забирающие вверх, в конце концов, приводят к одной на всех бездне, к вершине вершин. В какой-то момент, а вот его переживает далеко не каждый, перила обрываются, потому что за облаками в поручнях нет нужды. Меч, который принес Христос, обрушивается на перила иудаизма для того, чтобы явственней проступили ступени, ведущие к Отцу. *Чудо, тайна и авторитет*, о которых писал Ф.Достоевский в романе «Братья Карамазовы», это, по сути, и есть самый страшный вариант перил, которые уже не ведут к Истине, а ограждают от нее.

Подлинная тайна священна. Мы не можем увидеть ее извне, а только изнутри. В своей сказке «Грустный гном» Зинаида Миркина обнаруживает разницу между тайной и секретом. Тайна в отличие от секрета всегда открыта. Она вовсе не прячется, но она находится на той глубине, куда люди

бояться или ленятся заходить. Легче идти по поверхности. Интересно взламывать замки и раскрывать секреты. Для раскрытия тайны не нужно никакого внешнего действия, нужно уметь войти внутрь, в глубину. В этой глубине всегда живет любовь. Но существует и подделка тайны, и тогда, под предлогом деятельной любви к людям, «протаскивается» идея тиранической власти над ними. Подлинное чудо преображает душу. Но существует и ложное чудо, которое лишь поражает воображение. Тайна как секрет, чудо как фокус и авторитет как вожжи – символы земной власти.

Померанц исповедовал тот Единый дух, причащаясь которому, нужно отпустить перила. На практике это означало отказаться от претензии на духовную исключительность твоего личного вероисповедания, и в то же время не поддаваться соблазну героического самоутверждения вне Бога. И если перила - это поверхностно понятое чудо и авторитет, замешанный на чванстве, то лестница – это опыт сердца...

В доме Померанца царит атмосфера благожелательного диалога: иконописные лики соседствуют с «туманной дымкой» дальневосточной живописи. Лики и «дымка» не теснят друг друга. Они с любовью друг в друга всматриваются.

Видный современный богослов Ганс Урс фон Бальтазар следующим образом прокомментировал ветхозаветный запрет: «Не делай себе никакого резного изображения Бога». «Следует оставить это место свободным и пустым, чтобы Бог мог наполнить его как Он того желает». Однако немецкий богослов противоречит сам себе, когда после фразы: «Идолы, однако, бывают не только резными», утверждает, что: «Идолами, которые заслоняют Бога, могут быть практики вроде буддийской медитации...»² Из слов Бальтазара следует, что только чистая молитва христианина угодна Всевышнему.

Один из главных вопросов, который Померанц поставил перед собой, и перед русской религиозной культурой, можно было бы сформулировать так. Является ли уникальность учения Христа поводом поставить под сомнение

уникальность других великих религий, в частности, таких как буддизм или учение исламских суфиев? И дал ответ. Тот, кто любит Христа, не бросит камень в Будду. Тот, кто любит Христа, обнимет суфия как брата. Действительно, на Востоке негативное богословие, именуемое апофатическим, преобладает над позитивным, именуемым катафатическим.

Будда проповедует: «Есть, о отшельники, нечто неставшее, нерожденное, несотворенное. Ибо если бы не было неставшего, нерожденного, несотворенного, - где было бы спасение от страдания в мире ставшего, рожденного, сотворенного?» То есть, говорит Померанц: «Будда ни разу не описывает ничего положительного. Никаких существ, о которых можно сказать, что этих существ нет, он не вводит. Но это требует привычки к высоким абстракциям»³.

Ради очищения духовного oka дальневосточное религиозное мировоззрение в своем забвении слов и образов уходит далеко от наших понятий и представлений. Однако выводы, которые делаются на основании этого факта не в пользу буддизма, зачастую оказываются поспешными. Ведь мы вправе задать и другой вопрос. Не является ли гордыня вероисповедания, которую Померанц считал одним из самых тяжелых духовных недугов, тем самым резным изображением Бога?

Понятие уникальности в мире высших ноуменов настоятельно требует расширительного толкования. Уникальный ноумен – это не единичный ноумен, и уж тем более, не единственно верный, а ноумен, досмотренный до своего божественного корня, до самого Бога, как выразился бы Померанц.

Зинаида Миркина, откликнувшись на книгу американского монаха Томаса Мертона «Философия одиночества», ясно выразила свое отношение к личности Будды, и это отношение было их общим с Григорием Соломоновичем. «Когда-то в юности я прочла буддийскую легенду о Будде, голубке и тигрице. – Голубка прилетела к Будде, скрываясь от тигрицы, и Будда ее укрыл. Но к нему прибежала и тигрица, сказав: «Не я создала себя такой как есть, – питающейся мясом. Ты укрыл голубку. Скажи, чем мне

кормить своих тигрят?» Тогда Будда отрезал кусок собственного тела и положил на одну чашу весов. На другую – голубку. Голубка перевешивала. Сколько бы кусков тела ни клал на весы Будда, голубка перевешивала. Тогда Будда сам встал на весы, и весы уравнились»⁴. Каждое живое существо может быть уравновешено, то есть, спасено, только всем Буддой. Словом, речь идет о той полноте самоотдачи всего себя, которая проявилась и во Христе. Будда, жертвующий собой ради голубки, - это Христос, который отдает жизнь за своих овец.

Померанц и Миркина создали религиозную парадигму, которая не только точно отражает состояние современного общества, но и определяет духовную магистраль его развития. «Глубина любой великой религии ближе к глубине другой великой религии, чем к собственной поверхности». Одному подлинно мистическому опыту противостоит не другой подлинно мистический опыт, а - пародия на мистическое переживание реальности. Не существует такой великой религии, рядом с которой, не паразитировала бы агрессивная пародия на нее. Эти пародии, вступая в эмоционально-бурный или рассудочно-рациональный спор друг с другом, всегда искажают послание собственной глубины. А ведь она-то и является средоточием любой великой религии. Буддийски ориентированное изобразительное искусство Китая гораздо ближе по своему духу к русской православной иконописи, чем западноевропейская живопись Нового времени: они доходят до одной глубины. Я далек от категоричной оценки П.Флоренского, которую он дает ренессансной живописи и органной музыке. Без Рембрандта и Баха уже невозможно представить себе высших проявлений духовной жизни. Но, то, что в целом, эпоха Нового времени определила новый миропорядок, поставив социальные оболочки человека выше его духовного ядра, является несомненным. Изобразительное искусство Китая и Японии, в тех своих образцах, которые отражают внутреннюю жизнь бодрствующего духа, создает особую знаковую систему, поддающуюся переводу на язык иконы хотя бы потому, что они черпают вдохновение в одной на всех мистической

реальности. Вот почему мы найдем больше общего между иконописью и дальневосточной живописью, чем между разными фазами развития европейского изобразительного искусства.

«Именно личность Христа, - пишет Померанц, - есть высшее Слово христианства, а не те или другие слова. Я не хочу сказать, что на Востоке вовсе нет личностного начала. Оно просто меньше выражено, менее подчеркнуто. Будда, несомненно, обладал могучей личностью, наложившей отпечаток на ряд великих стран Азии»⁵. Личностное начало, выраженное в христианстве, в учении суфиев, заговоривших о внутреннем свете на языке поэзии и музыки, и в буддизме всегда присутствует. «Но истинный духовный путь, - как замечает Миркина, - это путь от личности единичной к личности единой; от личности как части, противостоящей другой части, к Личности целостной, включающей в себя всё, обнимающей собою мир. Христос называл себя дверью, но это не закрытая дверь, а растворенная, ведущая в ту бесконечность, в ту единую глубину, которая равно принадлежит всем. Когда Христос говорил ученикам: если накормите голодного – Меня накормите, ученики недоумевали, еще не понимая, что Он не только Он. Он живет в глубине каждого, причастен каждому. Такой же открытой дверью, причастной каждому, был и Будда. В своей клятве Будда говорит, что он не уйдет в нирвану, пока в мире есть хоть один страдающий»⁶.

Однако в падшем мире верх взяла тенденция к превосходству, к культивированию внешних форм богопочитания. *Одна на всех мистическая реальность* либо объявляется достоянием какой-либо конфессии, либо сама мысль о возможности существования единого духовного пространства воспринимается как кощунство. Перед нами два новейших мифа, замешанные, в первом случае на гордыне, а во втором - на нетерпимости. Подобные мифы и развеивал Григорий Померанц. Таковым мне видится его кредо религиозного мыслителя и в некотором смысле подвижника, так как все написанное им, проверенно на прочность самой его жизнью.

Опыту сердца, то есть глубинному опыту не нужно видимых доказательств Высшей Реальности. Сама жизнь является чудом, и тот, кто не способен разглядеть чудесное в оттенках земных вещей, едва ли удостоится лицезреть его в мерцании вещей небесных. Для Померанца земные вещи мерцали как небесные, а небесные вещи не порывали с земными. Он часто повторял то определение, которое дал японский буддолог Дайсэцу Судзуки учению дзен: «Ваш обычный повседневный опыт, но на два вершка над землей». Два вершка это немало. Со второго вершка начинается Царствие Небесное. Раб, который зарыл свой талант в землю, это человек, решивший приберечь непосредственное переживание вечности до лучших времен. Но вечность начинается с того мгновения, с которого человек впускает ее в себя. Без его доброй воли и жажды вечность не начнется.

До моей встречи с Померанцем и Миркиной я ограничивался представлением о дальневосточном религиозном мировоззрении, каким оно предстает в работах русских метафизиков рубежа веков. Вл. Соловьев, а вслед за ним и многие представители русской философии отвели буддизму так называемую «вторую» ступень религиозного развития. В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев писал: «Эту ступень, отличающуюся по существу пессимистическим и аскетическим характером, я называю *отрицательным откровением*; чистейший тип его представляется буддизмом»⁷. Оспаривая первенство в духовной сфере, русская религиозная мысль не проявила той пронизательности, которая была ей свойственна в высшей мере, когда она доступным и в то же время возвышенным языком говорила о евангельской реальности. К словам Блаженного Августина, которые Померанц не раз приводил: «на глубине бытия зла нет, там есть лишь чистый свет», можно было бы добавить, что на глубине бытия нет и претензий на первенство, сама идея превосходства теряет там всякий смысл. После сближения с Померанцем и Миркиной у меня сформировался иной взгляд на духовную культуру Запада и Востока.

Полет мысли Померанца всегда был выше такого понимания духовного опыта, который принимает вид идеологической или религиозной доктрины, литургико-ритуальной практики или психофизиотехники. Потребность сердца причаститься своей глубине – вот опыт, который был важен для него. Сердце стремится увидеть мир в его таинственном единстве. Поэтому мир становится телом космического Будды. Поэтому индийский монах Бодхидхарма на вопрос, в чем суть буддизма, отвечает: «Пустота и никакой сути». Бодхидхарма отказывается заключать суть в слова, чтобы не пострадала тайна Единого. Ведь слова стремятся пролить свет на единичное, и невольно затемняют смысл Единого. В одной из притч Бодхидхарма говорит: «Сообразительный ученик не привязан к словам учителя, он использует свой собственный опыт, чтобы найти Истину. Глупый ученик рассчитывает на то, что к нему постепенно придёт понимание благодаря словам учителя». Вот и основатель даосизма Лао-цзы не устает напоминать о том, что вся тьма вещей существует в единстве. Только в единстве всего со всем, в единении всего со всем, не возникает вопроса кто выше, а кто ниже? Христос выразил потребность сердца причаститься своей бездонности в словах «Я и Отец – одно» (Ин 10:30).

В книге «Дзен и голодные птицы» Томас Мертон пытается выяснить, насколько совместимы духовные традиции христианства и буддизма. Мертон ведет диалог с мастером дзен доктором Судзуки. Западу и Востоку на уровне школ, систем и конфессий довольно сложно договориться, но в молитвенном созерцании сердечной глубины единство достижимо. Свою книгу Мертон заканчивает так: «Христианское и буддистское учение несомненно отличаются друг от друга, однако, к моему величайшему удовлетворению, в ходе диалога с доктором Судзуки я обнаружил, что благодаря его интуитивному пониманию западного мистицизма, мы можем легко общаться друг с другом на самом глубоком и важном уровне». Вывод Мертона таков: «...у нас с доктором Судзуки общие духовные ценности»⁸. Этот вывод был сделан в 1968 году.

Мертон и Судзуки одни из любимых авторов Померанца, а среди русских неохристианских мыслителей ему наиболее близки Семен Франк и Георгий Федотов. С Франком, как и со всем христианским персонализмом в целом, ассоциируется у него обретение внутренней свободы как божественного достоинства личности, а с Федотовым ассоциируется обретение свободы в историческом бытии, вопрос «как утвердить в России свободу?»⁹ Георгий Федотов импонировал Померанцу трезвостью своей мысли.

Григорий Соломонович исходил из того, что ощущение конечной ценности слов и утверждений это погибельный тип мудрости, который основан на силе земных авторитетов. Противостоят погибельной земной мудрости глубочайшие наши переживания, опыт глубокого сердца, который выходит за пределы рассудка, проходит через слова – к источнику слов. Только в глубоком сердце происходит стяжание Святого Духа, о наступлении эпохи которого говорил Григорий Померанц. Именно так. XXI столетие станет эпохой Святого Духа. Таково его последнее слово и напутствие нам, не привыкшим оперировать подобными категориями. Как же истолковать это пророчество? И что же это означает жить в эпоху Святого Духа?

Дух дышит, где хочет. Неконтролируемые видения мистиков церковь эпохи Контрреформации брала под подозрение¹⁰, и в тот же исторический период, речь идет о XVI-XVII веках, «внезапное просветление» вне принятых атрибутов святости проповедовали в Китае наставники южной школы Чань¹¹.

Процитирую небольшой фрагмент из лекции «Свобода и любовь», которую Померанц прочитал в 1991 году в Университете Истории Культур.

«Я позволю себе напомнить два евангельских суждения, которые, казалось бы, противоречат друг другу: «творю волю пославшего меня» - значит, человек все делает не от себя; а с другой стороны, «сказано древним, а я говорю вам». То, что сказано древним Моисеем, считалось Божьей заповедью, голосом Бога. Но полная привязанность к Святому Духу дает

полную свободу по отношению ко всем прежним следам прикосновения Духа, ко всем тем словам, в которых отпечатались откровения прошлого»¹².

Вот что стоит за размышлениями мудреца. Эпоха Святого Духа – это не набор красивых слов. Менее всего как мыслителю ему были свойственны утопизм и прекраснодушие. Чурался он, подобно мастеру дзен, и «привычных штампов возвышенного». Нам стоит прислушаться к его пророчеству, но не как к тому, что всех нас с неизбежностью ждет, а как к тому, что мы должны воплотить в жизнь, вопреки духовной расслабленности и мессианской одержимости нашего века.

Список литературы:

1. Бальтазар Г.У. Богословие и эстетика / Богословие красоты. Под ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко. – М.: Издательство ББИ, 2013. – 220 с.
2. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография» ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 632 с.
3. Мертон Т. Дзен и голодные птицы.
http://esoserver.narod.ru/Budd/merton_zen.htm
4. Миркина З.А. Встреча одиночеств.
http://www.portal-credo.ru/site/?act=tv_reviews&id=257
5. Померанц Г.С. Собрание себя. -М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 143 с.
6. Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрашие духа. - СПб., Университетская книга, 1998. – 617 с.
7. Соловьев В.С. Чтение о Богочеловечестве. - М.: АСТ, 2004. – 251 с.
8. Ямпольский М.Б. Язык – тело – случай: Кинематограф и поиски смысла. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 376 с.

¹ Померанц Г.С. Собрание себя. - М.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С.24.

² Бальтазар Г.У. Богословие и эстетика / Богословие красоты. Богословие красоты. Под ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко. – М.: Издательство ББИ, 2013. С.9.

³ Померанц Г.С. Собрание себя. - М.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С.42.

⁴ Миркина З.А. Встреча одиночеств.http://www.portal-credo.ru/site/?act=tv_reviews&id=257

⁵ Померанц Г.С. Собрание себя. - М.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С.43.

⁶ Миркин З.А. Из частной переписки.

⁷ Соловьев В.С. Чтение о Богочеловечестве. - М.: АСТ, 2004. С.56.

⁸ Мертон Т. Дзен и голодные птицы. http://esoserver.narod.ru/Budd/merton_zen.htm

⁹ Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрашие духа. - СПб., Университетская книга, 1998. С.487.

¹⁰ Ямпольский М.Б. Язык – тело – случай: Кинематограф и поиски смысла. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С.96.

¹¹ Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография» ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. С.477.

¹² Померанц Г.С. Собрание себя. - М.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С.101.